

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. С. ТАРАСОВ

(Москва)

Кто есть субъект психической деятельности? В решении этого вопроса видна отчаянная методологическая позиция самых различных направлений мировой психологической науки. Вопрос не риторический, а коренной, мировоззренческий, имеющий фундаментальное значение для всей гуманитарной области познания, для дела воспитания и развития человека.

В монографии К. А. Абульхановой (Славской) предпринимается попытка дать методологический анализ этого вопроса. Свообразие подхода К. А. Абульхановой характеризует то обстоятельство, что автор, исходя из многообразия философских аспектов психологии, вычленяет в качестве ведущего социальный аспект. Это нашло отражение в логике построения книги. Узловые моменты движения этой логики заключены в восхождении от общей проблемы методологии психологического знания (глава 1) к проблеме социальной обусловленности психических функций (глава 2) и в дальнейшем анализе принципа «социальности» человека на уровне бытия и психической деятельности (глава 3. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии; глава 4. Особенности индивида как субъекта психической деятельности).

Анализ основной проблемы проводится в книге в контексте характеристики связей психологии с марксистской философией. Основной вопрос философии об отношении сознания и бытия для методологии психологии — есть вопрос о том, как и почему бытие отражается по-разному в сознании живых, различных (в зависимости от их общественного бытия) реальных индивидов. Решить эту проблему на уровне только гносеологическом не представляется возможным. Требуется мировоззренческая постановка вопроса — о месте человека в мире — с тем чтобы логика его решения определила возможности объективного решения и проблемы психической деятельности. Но предварительно необходим «психологический поворот» основной мировоззренческой проблемы, поскольку для психологии вопрос «что

есть человек в мире?» реально выступает в форме «что есть мир по отношению к человеку? Философская постановка мировоззренческой проблемы для психологии является общей предпосылкой. Но уже потому, что это — общая предпосылка, она требует конкретизации и, значит, специального «преломления» на уровне индивида, на уровне индивидуальной жизни. А это, как показывает автор, есть задача не философии, а ее конкретно-научных теоретических эквивалентов, в частности, методологии психологии.

Методология психологии как «вариант» философии — в этом необычность позиции автора. Но такая позиция, переосмысленная в контексте истории советской психологии (имеются в виду, в частности, работы С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева и др.), оказывается необходимой, детерминированной нуждами развития психологии как конкретной науки о человеке.

Необходимость философского обращения к индивиду, к исследованию индивидуального уровня бытия человека является исторически обоснованной. Для марксизма это обоснование вставало в повестку дня уже на этапе становления теории научного коммунизма. Но первоочередность общесоциологических и политэкономических задач имплицировала эту проблему, и поэтому ее «наглядность» была обнаружена на более позднем этапе марксистских исследований.

«Социальный заказ» исторического материализма в отношении проблемы индивида принципиален, поскольку он заинтересован в характеристике необходимого «способа обособления» индивида в общественных условиях. Природа этого процесса, как известно, была определена К. Марксом: «Изоляция этого индивида, его обособление в виде самостоятельной точки внутри производства обусловлена разделением труда, которое, в свою очередь, покоится на целом ряде экономических условий, со всех сторон обуславливающих индивида в его связях с другими индивидами и в его собственном способе существования» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 2, стр. 446).

Следовательно, изучение индивида есть социальная необходимость, реализуемая на уровне конкретных наук о человеке, в част-

¹ К. А. Абульханова. О субъекте психической деятельности. М., 1973.

ности психологии, необходимость методологическая. Осознание правомерности и необходимости исследования индивидуального способа бытия имеет важное значение для психологии. К. А. Абульханова вслед за С. Л. Рубинштейном ставит эту необходимость на ведущее место в ряду объективных оснований психологической науки, что характеризует своеобразие методологической позиции автора в интерпретации проблем современной психологии.

Фундаментальный факт объективной психической деятельности — включение психического в объективный способ существования социального индивида. Вскрывая объективные параметры этого способа существования, К. А. Абульханова определяет и специфические жизненные задачи, которые решает человеческая психика. Активность психического как индивидуального обусловлена тем, что человек сам должен решить некоторую задачу, объективно возникающую для него как общественного существа — что предполагает как анализ объективного содержания решаемой субъектом задачи, так и объективного способа ее решения индивидом.

Рассматривая проблему объективной детерминации психической деятельности, и в особенности вопрос о социальной обусловленности психического, К. А. Абульханова обращается к известному марксистскому принципу соотношения индивидуального и общественного. Согласно духу этого принципа, в качестве основания психического автором вычленяется объективное отношение, которое появляется с раздвоением общественного бытия на «родовую» и индивидуальные формы и характеризует отнесенность общественного к индивиду, его преломление в определении индивидуальной жизнедеятельности. Линия соотношения индивидуального и общественного применительно к задачам психической деятельности проходит не на уровне сознания (традиционный вопрос о соотношении индивидуального и общественного сознания) и не на уровне действий (вопрос, в частности, решаемый в ряде генетических концепций психического), а на уровне самой жизни, реальных общественных форм человеческой жизнедеятельности. Отношение индивидуального и общественного как жизненная проблема, противоречие, которое объективно нужно разрешить индивиду (и решать постоянно, всегда, снова и снова) — вот в чем фиксируется основная жизненная функция психического. Объективная необходимость психической деятельности, как пишет автор, это необходимость «индивидуальной» формы регуляции жизни человека в общественных условиях.

Анализ проблемы субъекта психической деятельности позволил К. А. Абульхановой привлечь внимание к одной из, казалось бы, очевидных, но все же еще нерешенных проблем психологической науки — к проблеме ее объекта. Автор разводит понятия объекта и предмета науки, убедительно аргумен-

тирует необходимость этой дифференциации. Он не согласен с позицией, которая устанавливает тождество объекта психологии и других гуманитарных наук. Ведь при такой позиции неизбежен вопрос: разве человек как объект познания не обладает спецификой своих объективных психических свойств и особенностей? Не лучше ли не нивелировать, не сглаживать, а, напротив, специально и целенаправленно анализировать «разное» в объективной природе человека. Это позволит психологии специально, с учетом ее специфики исследовать и такую важную проблему, как проблема истинности психологических знаний.

Естественно, что вопрос об объекте науки — трудный, мировоззренческий вопрос. И решить его без помощи философии невозможно. Тем более заслуживает внимания его философско-психологическая характеристика, проведенная в монографии. Как отмечает К. А. Абульханова, установление объекта психологии, в отличие от объекта целого ряда других наук, не связано с формой движения (как, например, физическая, биологическая, социальные формы, которые определяют онтологический статус соответствующих наук), а с качеством «перелива», «превращения» этих форм друг в друга, с объективным качеством их «переходности».

Именно в этой части психология оказывается удивительно близкой философии, онтологическая характеристика которой определяется словами К. Маркса, как «становление природы человеком». Вот почему, исследуя общие законы превращения природного в общественное, философия задает и методологический подход психологии в изучении специфических для нее форм этого превращения. Не человек «вообще» является объектом психологии, а «специфический» человек, бытие которого предполагает «превращение» природного в социальное, общественное в индивидуальное, онтологического в познавательное, которое осуществляется в формах через посредство психического. Особое, диалектическое качество объекта психологии — изменяющегося, изменяемого и изменяющего — определяет и своеобразие психологического познания. Вывод, к которому приходит автор, утверждая, что индивидуальный способ существования общественного бытия, индивидуальный уровень этого бытия объективно обуславливает появление и функционирование психики, логичен, если исходить из социально-философской интерпретации проблемы психического.

Поиск объекта психологии, как отмечает К. А. Абульханова, не может выступать в качестве самодовлеющей задачи. Он оперативен и служит целям установления принципов оперирования психологической науки с этим объектом, общего способа преобразования данного объекта. Так что методологическая задача нахождения объекта оказывается не только философской, но непосредственно обращенной к психологии:

определить принципы построения предмета психологической науки.

Устанавливаемая К. А. Абульхановой необходимость психической деятельности (проявление на уровне индивида объективных жизненных противоречий), по мысли автора, должна раскрыть себя позитивно. Какую положительную функцию выполняет психическое в жизнедеятельности индивида и с помощью каких способов, механизмов предметная задача психологии — это второй методологический вопрос, вытекающий из решения проблемы субъекта психической деятельности.

Выдвинутое автором положение об «индивидуальных истоках» психической деятельности позволяет во многом подойти по-новому к определению целого ряда психологических феноменов (мотивации, способностей и др.), выявить новые аспекты проблемы связи психологии и практики, поставить ряд новых вопросов.

К. А. Абульханова указывает, что возможности психологии как «практической» науки специфичны. Индивидуальная интерпретация, ценность, значимость (как мотивация), индивидуальный способ решения общественных задач (как способность) — вот что определяет меру активности психического как феномена социальной жизни. Все это не значит, как считает автор, что социальная необходимость в психологии незначительна. Современная эпоха свидетельствует о чрезвычайной важности, о «социальном интересе» к исследованию этих (психологических) факторов активности. Очевидно, судьба преломления в индивиде многих и многих факторов социальной детерминации имеет не узко психологический и не узко практический смысл. Она характеризует перспективу индивида, меру его возможностей и развития в современном мире. И поэтому психология становится одной из самых «человековедческих» мировоззренческих наук.

Весь парадокс и вся загадка психического заключены в противоречии: почему индивид, выступающий как «отражающий» индивид, оказывается способным к управлению реальными процессами детерминации. К. А. Абульханова отмечает, что корни разрешения данной антиномии — единство индивидуального и общественного, способность индивида и в актуальной ситуации настоящего выступать в качестве общественного существа. Индивид, вооруженный культурой, — это качественно иной индивид, чем тот, который непосредственно связан с действительностью. «Историчность» индивида как субъекта психической деятельности делает, казалось бы, невозможное: из элемента в механике социальной детерминации человеческой деятельности он способен превратиться в один из ее определяющих факторов. Вот откуда и бесконечное богатство индивидуальных различий и проблема разной природы активности индивидов как участников реальной практической деятельности.

Проблема активности психического, венчающая монографию, со всей остротой ставит традиционные для психологии вопросы. Главный среди них: как выдержать предмет психологии, специфический уровень психологического познания в условиях решения практически-прикладных вопросов и в условиях «чисто» психологических. Самое трудное при этом уяснить ту поистине сложную картину взаимоотношений между психикой и индивидом как деятельным, практическим существом, которая наблюдается в связи с многообразием форм и условий индивидуальной жизнедеятельности.

Открыть, познать специфику психического как активности в свете включения его в разные социальные (профессиональные, производственные и др.) формы, проследить его исторический генезис в этих формах — одна из важных проблем социальной психологии. Раскрыть многообразие психологических (и непсихологических) «приемов» реализации этих социальных форм деятельности индивида — вопрос, существенный для дифференциальной психологии. Наконец, обобщить, интегрировать основную линию спецификации психического как активности в его соотношении с другими социальными факторами деятельности, познания и общения — задача общей психологии. Налицо при этом единство цели всех областей психологического знания — выявление онтологического статуса психического (объективные пределы и возможности психического как активности); налицо и основа для тесной связи психологии «теоретической» и «практической», для связи психологии с другими науками. «Жизненная задача психического», справедливо подчеркивает автор, останется пустой фразой, если в самих психологических исследованиях не будет выявлено соотношение психического с иными формами активности (прежде всего, по существующему — детерминирующему, регулирующему основанию).

В заключение рецензии еще раз укажем на определяющую идею монографии — объективная, общественная обусловленность психического и, вместе с тем, принадлежность психического к уровню индивидуального бытия, его индивидуальное (то есть присущее индивиду) качество, наконец, его индивидуализированное качество, как определяющее жизненный модус психики, ее «организующий» вклад в диалектику реальной жизнедеятельности конкретного человека. Все это — ответы на коренной для психологии вопрос об объективной природе психической деятельности. То, в каком качестве освещаются эти «ответы», преломленные в психологической проблематике мышления, способностей, восприятия и т. д., свидетельствует о плодотворности методологических положений автора.

В монографии ее преобладающее позитивное содержание излагается в ходе критики буржуазных психологических и антропологических теорий. Важно, что эта критика идет «изнутри», вытекает из сущности

концепции автора. Уровень этой критики радует, так как он есть частное свидетельство зрелости нашей психологической науки как марксистской, причем не только на уровне идеологическом, но и на уровне ее внутренних научных принципов и основоположений.

Не хотелось бы, разбирая столь серьезную методологическую работу, специально останавливаться на отдельных неточностях и упущениях. Тем более, что принципиальных несогласованностей, неверных положе-

ний и определений мы в ней не нашли. Общее впечатление от монографии К. А. Абульхановой дает основание говорить о ней как о работе актуальной, методологически весомой, интересной. Привлекает позитивность работы, смелое вторжение автора в круг самых острых и важных психологических проблем. Это позволяет думать, что книга с вниманием будет встречена психологической общественностью и, вероятно, вызовет большую амплитуду откликов и суждений.

